

Тема России — главная тема в жизни и творчестве Есенина — в книге Прилепина полноценно не прозвучала. Она периодически вплетается в повествование как необходимый декларативно-декоративный сюжет, что является очень серьёзным недостатком книги.

Как известно, Есенин обращал особое внимание на русскость — свою и других. Он стремился её подчеркнуть даже в дарственных надписях. Вот некоторые из них, адресованные Евгению Соколу в 1924 году: «Сокол, милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист. С.Е.» [VII (1), 324]; «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем» [VII (1), 225]; «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и всё прочее» [VII (1), 228]; «Милому Соколу с любовью русской, Великоросской обязательно. С. Есенин» [VII (1), 233].

В приведённых надписях, сделанных после суда над Есениным и его друзьями в декабре 1923 года и после того, как на страницах «Правды» С. Есенин, А. Ганин, П. Орешин, С. Клычков были поставлены в один ряд с немецкими фашистами, подчёркивание поэтом своей великоросскости, своего якобы шовинизма воспринимается и как мужественный вызов антирусской политике власти.

Именно в это время, когда, по версии Прилепина, к Есенину благоговели многие власть имущие самого разного уровня, любовь к исторической, тысячелетней России оценивалась всеми руководителями страны как великодержавный шовинизм (отсюда, думаем, это слово и у Есенина) со всеми вытекающими — обязательными — негативными последствиями.

Даже само слово «русский», не наполненное пролетарско-большевистским смыслом, вызывало подозрение. В качестве иллюстрации приведём эпизод из мемуаров Бенедикта Сарнова, которого в русскости и в других более тяжких «грехах», традиционно называемых в данном контексте, обвинит только сумасшедший. Сосед Сарновых так отреагировал на победный тост Сталина за русский народ: «Ведь я двадцать лет боялся сказать, что я русский». Сарнов ставит под сомнение только количество лет, соглашаясь с соседом в главном: «Иван Иванович хорошо помнил времена, когда слово “русский” было чуть ли не синонимом “белогвардеец”» (Сарнов Б. Скуки не было: Книга воспоминаний. — М.: Аграф, 2004, с.126).

О том же говорит Алексей Ганин в тезисах «Мир и свободный труд — народам», но говорит более детально, объёмно, страшно трагично, созвучно «Стране негодяев» и некоторым высказываниям Есенина (о них и о поэме — в следующей главе).

Прилепин, конечно не мог обойти вниманием этот уникальный документ, который в его представлении таковым не является. Читателю предлагается ископлённый вариант в одну страницу, где отсутствуют все главные национально-окрашенные оценки событий и власти. Мы наивно полагаем, что автор, стремящийся к объективности и уверенный в своей правоте, должен был привести главные мысли Ганина и только затем выразить своё отношение к ним. Этого, к сожалению, не происходит.

Проделаем прилепинскую работу: приведём некоторые скрытые от читателя автором «Есенина» высказывания Ганина, стоившие ему жизни:

«Достаточно вспомнить те события, от которых всё ещё не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооружённые с ног до головы, воодушевляемые еврейскими вырожденками (точнее было бы сказать: вырожденками всех народов, населяющих Россию. — Ю.П.) банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население: всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намёке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно всё, что попадалось на глаза, начиная с последней коровы, кончая последним пудом ржи и десятком яиц, когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигали целые села, вырезались целые семьи»; «Наконец реквизиции церковных православных ценностей, производившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые сёла, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья? Кто не помнит того ужаса и отчаяния, когда люди голодающих районов, всякими чекистскими бандами и заградилками (только подумайте!) доведённые до крайности, в

нашем двадцатом веке, в христианской стране, дошли до людоедства, до пожирания собственных детей, до пожирания трупов своих соседей и ближних! Только будущая история и наука оценят во всей полноте всю изуверскую деятельность этой “спасительницы народов” — РКП»; «Эта хитрая и воинствующая секта, исходя из того же принципа классового расслоения, путём псевдонаучных исследований ныне искажает истинный смысл вещей, искажает истинный взгляд на естественно-исторический и духовный путь человечества. Эта секта всеми мерами старается заглушить в бесконечных противоречиях ход всех современных событий, стремясь таким образом расслоить и ослепить каждую национальность в отдельности, тем самым провести непроходимую бездну между подрастающим поколением и их отцами, между отдельными группами людей; создавая всюду нетерпимость, раздор и отвлекая таким образом силы народов от дружественной работы по борьбе с естественными препятствиями, парализуя творческий дух христианских народов»; «Для того, чтобы окончательно свергнуть власть изуверов, подкупивших себе всех советских пройдох и авантюристов, наряду с пропагандой национальных идей и прав человека, необходимо, учитывая силы противника в каждом городе, в каждом промышленном месте коренной России и Украины, путём тщательного отбора и величайшей осмотрительности вербовать во всех семьях и кругах русского общества всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою родину» (Ганин А. Мир и свободный труд — народам// Ст. Куняев, С. Куняев. Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20-30-х годов. — М.: Голос, 1995, с.23-30).

«Дело» «Ордена русских фашистов» (по нему были расстреляны семь человек и шесть отправлены на Соловки) оценивается нами как зачистка мыслительно-ога очага народного русского сопротивления. Прилепин же — с помощью гипотетических реакций Есенина на арест и смерть Ганина — пытается свести это стратегическое преступление антирусской власти к, по сути, недоразумению, к непропорциональным насильственным действиям против, всего лишь, дураков, неудачников. Тем более, один из которых — Ганин — патологический антисемит.

Предоставим слово Есенину в провальном исполнении Захара Прилепина: «Ганин большевиков не любил всё злей и злей; дошёл до того, что, сам неудачник, собрал вокруг себя ещё больших литературных неудачников; вместе они строили какие-то дичайшие планы свержения советского ига» (с.731);

«Разве так можно?»

Гумилёв был настоящим офицером, настоящим воином, настоящим заговорщиком — а этот кто? Мечтатель, фельдшер, дурак-дурачина...

Пусть дурак. Пусть поэт не самый лучший, пусть с юности свихнутый на еврейской теме — но стрелять-то зачем в этого дурака? Неужели они были в силах заниматься диверсиями — все эти малоумки?» (с.747).

Реальный Есенин, конечно, осознавал особенность своего положения в русофобские времена среди писателей, большинство из которых не обладали не только мужеством, но и самим чувством родины, русским чувством. Об этом отличии поэт говорил неоднократно, иногда ошибочно, как в случае с Блоком.

Наиболее известны высказывания Есенина об имажинистах и Владимире Маяковском. Мимо них Прилепин не мог пройти. Но он попытался — и это показательно для позиции автора книги — как минимум нейтрализовать главный смысл этих и им подобных оценок, искусственно переведя разговор о национальном в иное русло — личной поэтической славы прежде всего.

У Прилепина читаем: «На предновогоднем банкете в Доме печати Есенин находит Маяковского и прямо ему объясняет:

— Россия — моя. Ты понимаешь? Моя!

Сколько бы Есенин ни ругал Маяковского, внутренне он знал, с кем борется за звание первого поэта.

— Твоя, — спокойно отвечает Маяковский. — Возьми. Ешь её с хлебом» (с.296).

Теперь процитируем воспоминания Николая Полетаева, из которых — без ссылки на мемуариста — вырос вышеприведённый сюжет: «Есенин уже не терпел соперников, даже признанных, даже больших. Как-то на банкете в Доме печати, кажется, в Новый год, выпивши, он всё приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему:

— Россия моя, ты понимаешь, — моя, а ты... ты американец! Моя Россия!

— Твоя, — спокойно отвечал Маяковский. — Возьми. Ешь её с хлебом». (Жизнь Есенина. Рассказывают современники. — М.: Правда, 1988, с. 258-259).

Как видим, Прилепин сознательно опускает слова Есенина о Маяковском-американце, указывающие на природу неразрешимых противоречий, существовавших между поэтами. (На другие интересные результаты своеобразно преобразённых Прилепиным фактов из мемуаров Полетаева обратите внимание сами. Они — характерные свидетельства того, из какого «сора» и как «выросла» данная книга.) Прилепин, как и Полетаев, эпизод на банкете, неприязненное отношение Есенина к Маяковскому сводит к творческой ревности к достойному сопернику.

Вообще, вся логика повествования, любые жизненные и творческие коллизии (в том числе смерть поэта), разливы чувств и мыслей Есенина и многое-многое другое подчинены утверждению лейтмотивной идеи книги: слава — единственный смысл жизни Есенина.

Конечно, нет ничего нового в таком сверхповерхностном, примитивном толковании судьбы великого поэта. Ещё Анатолий Мариенгоф в «Романе без вранья» утверждал нечто подобное: жизнь Есенина — это жертва, принесённая славе (См.: Мариенгоф А. «Бессмертная трилогия». — М.: ПРОЗА и К, 2017, с.26).

В этой же книге, думаем, скрытан ответ Мариенгофа Есенину, упрекавшему его в отсутствии чувства Родины. Данный ответ, завершающий 55-ю главу, искусственно привязан к разговору Мариенгофа с Кусиковым о заграничных впечатлениях Есенина и к сюжету из романа Лескова:

«Не чуждо нам было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова, уверяющего, что счастливую и великую родину любить не великая вещь, и что любить мы её должны, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе... Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрёт и, «обглоданная евреями», будет являть одни кости — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми покинутого...»

Есенин был достаточно умён, чтобы, попав в Европу, осознать всю старомодность и ветхую проношенность таких убеждений, — недостаточно твёрд и решителен, чтобы отказаться от них, чтобы найти новый внутренний мир» (с.129).

Захар Прилепин, многократно цитирующий в своей книге о Есенине «Роман без вранья» как, по сути, главный для него источник сведений о жизни и творчестве поэта, показательно проигнорировал приведённое нами высказывание. В нём Мариенгоф проговаривается по вопросу, повторим, главному как для Есенина, так и для любого национального писателя.

Из цитаты видно, насколько морально нечистоплотен, мыслительно убог «великолепный Мариенгоф» (так названа работа Прилепина о нём). Не вызывает сомнений, что в первом абзаце под абстрактным словом «нами» подразумевается только Есенин. Никто из его имажинистских собратьев не говорил, не писал так о любви к Родине: о любви «наоборот голове» (В. Розанов), о любви, в системе ценностей которой тысячелетняя Русь-Россия превыше Рая.

Ясно и другое: Мариенгоф не случайно вспоминает «мракобесного» Розанова (первая часть его высказывания — очень точное определение настоящей любви к Родине; другая часть этого высказывания в своих еврейско-русских «проявлениях» вызывает несогласие, вопросы, обсуждать которые сейчас нет смысла). Таким образом, Мариенгоф «хитро», «технично» ставит мракобесно-антисемитское клеймо на Есенина, на его любовь к Родине.

Подчеркнём особо: Мариенгоф не мог не знать, что Розанов в число любимых и просто читаемых Есениным авторов никогда не входил. Добавим: в полном собрании сочинений поэта нет ни одной ссылки на Розанова.

В этом контексте и поведение Мариенгофа на суде над четырьмя поэтами выглядит вполне закономерным.

В отличие от В. Львова-Рогачевского, А. Эфроса, А. Соболя, В. Полонского, А. Сахарова, отрицавших обвинения в антисемитизме, Анатолий Мариенгоф в своём выступлении данный вопрос не затронул вообще. Хотя он значился первым среди двух вопросов, вынесенных для разбирательств, и был сформулирован так: «Подтверждается ли факт черносотенно-антисемитских выхонок четырёх поэтов: Есенина, Ганина, Орешина и Клычкова?» (Цит. по: Есенин С.А. Полн. собр. соч. В 7 т. — Т.7., кн. 2, — М.: Наука — Голос, 2000, с.431). Как сообщалось в «Рабочей газете», Мариенгоф подчеркнул, «что последний (Есенин. — Ю.П.) в этом году совершенно спился, близок к белой горячке и не может быть рассматриваем и судим, как нормальный человек» (там же, с.432).

Захар Прилепин находит, на наш взгляд, совсем неубедительное объяснение поведению Мариенгофа, который, как настаивает автор данной книги, был лучшим другом Есенина:

«Мариенгоф, конечно же, отлично понимал, что делает: больных не судят, а лечат; с них нельзя спрашивать, как с нормальных людей.

Однако ощущение, что Мариенгоф несколько переиграл, всё равно осталось. Почему-то оказалось заметно, что лично он не в состоянии найти оправдание произошедшему.

Накануне они с Шершеневичем, обсуждая эту историю, сошлись во мнении, что Есенин потерял человеческий облик, и от всех его крестьянских друзей — сплошной вред. Они даже задумали написать письмо в «Известия», чтобы обнародовать позицию ордена имажинистов по делу четырёх поэтов, но до этого позора, к счастью, не дошли» (с.626).

Поведение Мариенгофа на суде, думаем, объясняется гораздо проще: он был согласен с первым пунктом обвинения. И позже, когда в вышеприведённом отрывке из «Романа без вранья» привязывал к Есенину «мракобеса-антисемита» Розанова, в первую очередь держал в уме случай в пивной, ставший поводом для суда над четырьмя поэтами.

Нашу версию косвенно подтверждает оценка, данная событию Вадимом Шершеневичем, с которым Мариенгоф «обсуждал эту историю». Её, о чём Прилепин не говорит, Шершеневич называет «глупым и безобразным скандалом с юдо-

фобскими выкриками» (Шершеневич В. Великолепный очевидец [Электронный ресурс] «В мире книг», 1987, № 11. С. 59-60 // URL: <http://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/shershenevich-v-iz-knigi-velikolepnyi-ochevidetc> (дата обращения: 11.03.2020)).

В унисон Шершеневичу, по свидетельству Надежды Вольпин, высказалась о громком событии и бывшая жена Вадима Евгения Шор: «Надя, что это? Я видела вас вчера с Есениным! Мы все, все должны от него отвернуться. Все его друзья евреи, все просто порядочные люди: русский, советский поэт, как какой-нибудь охотнорядец...» (Вольпин Н. Из мемуаров «Свидание с другом»// Сергей Есенин. Подлинные воспоминания современников. — М.: АСТ, 2017, с.298).

Именно поэтому Мариенгоф и Шершеневич хотели откреститься от Есенина на страницах «Известий». Именно поэтому Мариенгоф не мог найти оправдания произошедшему, хотя сам в мемуарной диалогии позволяет себе такое, что, на наш взгляд, можно назвать проявлением иудеофобства (на всякий случай уточним: еврейское происхождение Мариенгофа не имеет никакого значения):

«Я нежно люблю анекдот про еврея, который, попав на позиции (в годы Первой мировой войны. — Ю.П.), спросил первым словом: “А где здесь плен?”» (С.49); «Не любя Зинаиду Райх (что необходимо принять во внимание), я обычно говорил о ней: “Эта дебёлая еврейская дама. Щедрая природа одарила её чувственными губами на лице круглом, как тарелка. Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию. Кривоватые ноги её ходили по земле, а потом и по сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку”» (с.248).

И анекдот, и подобное описание женщины вызывают у нас отвращение, омерзение.

В контексте разговора о теме Родины у Есенина и Мариенгофа неизбежно возникают микросюжеты, сквозные для всех наших заметок.

В книге Прилепина много версий событий, фактологическое происхождение которых установить невозможно. Они — плод воображения автора, игнорирующего жизненные реалии.

Например, о поездке в Петроград Есенина и Мариенгофа в июле 1918 сказано следующее: «Зашли на работу к Блоку, но разговора не получилось. Блок был уставшим и равнодушным, и даже не отметил визит в дневнике. Кажется, Мариенгоф в связи с этим затаил обиду» (с.234).

Зря Прилепин ссылается опять на дневник Блока, о котором у него, как мы убедились, очень туманное представление. И в этот раз Прилепин вновь попал как кур в ощип. «Даже» в процитированном предложении означает наличие июльских записей в дневнике поэта. Их же в этом месяце нет ни одной. А за июнь, август, сообщаем любителям дневника, сделаны всего три записи.

Возникают естественные вопросы. Где, когда и как мог прочитать дневники Блока Мариенгоф? На основании чего Прилепин решил, что Мариенгоф обиделся?

Для прояснения ситуации дадим слово самому Мариенгофу: «Блок понравился своей обыкновенностью. Он был бы очень хорош в советском департаменте над синей канцелярской бумагой, над маленькими нечаянными радостями дня, над большими входящими и исходящими книгами.

В этом много чистоты и большая человеческая правда» (с. 36).

И больше в книге Мариенгофа о встрече с Блоком нет ни слова.

Повторим: Мариенгоф — один из самых цитируемых, пересказываемых, созвучных Прилепину человечески и мировоззренчески персонажей книги. Закономерно, что и свою серию текстов о писателях автор «Есенина» начал с «Велико-

лепного Мариенгофа». И концептуально, и в некоторых мелочах прилепинский «Есенин» — во многом дублиаж мариенгофского Есенина.

Но тогда возникает вопрос: откуда фактологические нестыковки в случаях, когда этих нестыковок быть не должно? Тому, вероятно, несколько причин.

Прилепин явно не умеет работать с источниками и не хочет проверять и перепроверять необходимую информацию. Отсюда в разной степени искажённое изображение людей и событий, альтернативная реальность книги.

Один из самых запоминающихся примеров — сюжет из биографии Григория Колобова (называемого Коробовым на страницах 321, 322, 389, именуемого Георгием на 229-й странице). В книге читаем: «У Колобова было прозвище “Почём соль?” (правда, у Мариенгофа — «Почём — Соль». Понимаем, Прилепин не обращает внимание на такие мелочи). Мариенгоф в своих мемуарах забавно описывает, как Григорий выспрашивал знакомых о стоимости соли в р а з н ы х (разрядка наша. — Ю.П.) городах, отслеживая в течение одного дня сводки изменения цен на этот продукт» (с.320).

На самом деле, в течение дня Колобов называл разные цены на соль. Но только в Пензе (с. 46-47) и только потому, что у него были проблемы с памятью. В годы Первой мировой войны, «во время отступления из-под Риги со своим баннным отрядом Земского союза, он поспал ночь на мокрой земле под навесом телеги. С тех пор прыгают в лице эти мячики, путаются в голове имена шофёров, марки автомобилей...» (Мариенгоф А. «Бессмертная трилогия». — М.: ПРОЗА и К, 2017, с. 53).

Другая причина вольного обращения Прилепина с текстом Мариенгофа (как и других авторов) — это попытка отвести возможные упреки во вторичности многих страниц книги (в большинстве случаев нетрудно установить, по какому источнику Прилепин пересказал те или иные события, внося свою, как видим, изюминку). И, стремясь запутать след, нарушая последовательность событий, фактологию, автор «Есенина» попадает в капкан. Так, по версии Прилепина, по сещению Есениным и Мариенгофом Блока предшествовали дождь и известная покупка цилиндров (с.233-234). Однако эти события происходят на следующий день после визита к Блоку. Или у Мариенгофа о художнике Диде Ладо сказано: «По паспорту Диду было за пятьдесят» (с. 35). У Прилепина этому персонажу «далеко за сорок» (с.230). Далеко за сорок — это меньше или больше пятидесяти?

И ещё: Прилепин, не будем гадать по какой причине, миф о Есенине — ненавистнике инородцев и антисемите — периодически подтверждает. Он без каких-либо фактологических оснований наделяет Есенина мыслями ксенофобской направленности: «...вроде хорошие ребята (В. Эрлих и питерские имажинисты. — Ю.П.), но многое в них было настояно на браваде, а не на природном даре; к тому же, судя по фамилиям и по слишком симпатичным лицам, парни подобрались будто с вечеринки Мани Лейба (где собрались американские евреи, общение с которыми закончилось для Есенина скандалом, потасовкой, арестом, публикациями в СМИ. — Ю.П.)» (с.531); «Это не два нерусских циркуля — Анатолий и Вадим <...>, не Сандро — хитрый армянин, рядящийся в горца <...>» (с.532).

* * *

Прилепин при характеристике Есенина и других персонажей книги периодически делает упор на голосе крови как факторе, определяющем многое. Иной подход озвучивает Надежда Вольпин в своих мемуарах. Она, обращаясь к Мариенгофу, утверждает: «Мы с вами против него (Есенина. — Ю.П.) как бы только

двумерны. А Сергей... Думаете, он старше вас на два года, меня на четыре с лишком? Нет, он старше нас на много веков! <...> Нашей с вами почве — культурной почве — от силы полтора года лет, наши корни в девятнадцатом веке. А его вскормила Русь, и древняя, и новая. Мы с вами россияне, он русский».

Это одно из самых содержательно-глубоких, концептуально-актуальных суждений Вольпин. Но в книге Прилепина его мы не найдём. Почему?

Во-первых, в воспоминаниях Вольпин, как и в любых других, Прилепина интересовали, в первую очередь, сведения интимной и «жёлтой» направленности.

Во-вторых, автору «Есенина» неприемлем как культурно-почвенный подход, так и тройная характеристика, рождённая в результате его применения.

Станислав и Сергей Куняевы, периодически возникающие в книге Прилепина как его оппоненты, в своём — лучшем на сегодняшний день — жизнеописании Есенина вышеприведённый эпизод приводят в ещё большем объёме, чем мы. И комментируют его так: «...Ассимилированный в русской жизни в первом или втором поколении, Мариенгоф был, конечно, куда более упрощённым человеком, нежели Надя Вольпин, девушка с ветхозаветным багажом, не говоря уж о Сергее Есенине. Но следует заметить, что для Вольпин её двухтысячелетняя традиция, далёкая от русского духовного склада, не могла дать ей как литератору никаких преимуществ не только перед Есениным, но даже и перед Мариенгофом. В этом тоже состояла драма «россиян», подобных Вольпин. Кстати, гораздо более глубокая, нежели пошлая драма Мариенгофа» (Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. — М.: Молодая гвардия, 2010, с. 11-12).

Не будем оценивать количество и качество ветхозаветного багажа у Вольпин и Мариенгофа. Нас интересует другое. Вольпин, идя собственным мыслительным путём, делит писателей на два направления: русских и россиян. По сути, то же самое делает Есенин, говоря о себе и имажинистах, себе и Маяковском.

Нетрудно заметить, что критерии у Вольпин и Есенина — общего происхождения. Они порождены одной традицией, традицией духовно-культурной, русско-православной.

Следуя ей, мы уже более тридцати лет делим писателей, критиков, журналистов на три направления: русских, русскоязычных, амбивалентно-русских. У Прилепина наша концепция, как и то, что ей предшествовало, в частности Вольпинско-Есенинский подход, вызывает отторжение. У Прилепина кровный подход чаще всего растворяется в языковом, и получается, что все писатели, пишущие на русском языке, русские.

Отсюда и многочисленные понятийно-сущностные, вопиющие несуразности на страницах «Есенина», свидетельствующие о непонимании Прилепиным главного: системы ценностей, утверждаемых отдельными писателями, и общих тенденций развития литературы первой четверти XX века.

Конечно, тему Родины, её судьбы нельзя рассматривать вне политики и власти. Из всех большевистских вождей Лев Троцкий, думаем, вызывает наибольшую симпатию у автора «Есенина». Он предпринимает видимые усилия для обеления Лейбы Бронштейна. Последовательно, настойчиво, с нажимом Прилепин пытается уверить читателя в том, что Троцкий не имеет прямого отношения к кровавым преступлениям советской власти, к гибели миллионов сограждан в первое послереволюционное пятилетие. Вот, например, как это делается:

«Мог ли Есенин возлагать на Троцкого вину за насилие, что все эти дикие и хилые годы творили в деревне большевики?»

Мог — но едва ли большую, чем на Ленина, до недавнего времени руководившего государством, а значит, отвечавшего за все ключевые решения.

Мог ли винить Троцкого в массовом терроре? Но Троцкий не имел никакого отношения к ЧК» (с.544).

Последнее предложение — ключевой довод Прилепина в трактовке данного вопроса. Этот аргумент он повторяет через 17 страниц, а затем утверждает: «Если бы Есенин всерьёз желал намекнуть в своей поэме («Страна негодяев». — Ю.П.) конкретно на Троцкого, то назвал бы этого персонажа Военсоветов или Эрвээсов.

А вот в недрах ВЧК прототипов для такого персонажа, как Чекистов, было, увы, предостаточно» (с. 551).

Тут же называются возможные кандидатуры — С.А. Мессинг и Семён Шварц. Трудно понять, почему у первого чекиста приводятся инициалы имени и отчества, а у второго — полностью только имя.

И завершается данный сюжет так: «В конце концов, Есенин мог с р и с о в а т ь (разрядка наша. — Ю.П.) Чекистова с любого следователя, с которым имел дело во время своих задержаний» (с.551).

Мы так детально, предельно точно привели суждение Прилепина, ибо этот сюжет, как и встречи Есенина с Блоком, даёт многостороннее представление об авторе «Есенина». Теперь прокомментируем его высказывания.

По утверждению Прилепина, главных виновников массового террора нужно искать в ЧК на местах (не той же логикой руководствовался Сталин в статье «Головокружение от успехов»?). При таком, на наш взгляд, неверном, сущностно-логическом подходе снимается ответственность за преступления со Льва Троцкого, одного из главных идеологов тотального террора, политики расказачивания и т.д. При таком ведомственном подходе к поиску виноватых забалтывается главное — колоссальная трагедия миллионов. В итоге Захар Прилепин в своей книге умудрился обойти стороной и эту трагедию, что по многим причинам недопустимо. И прежде всего по той, что о жизни человека в России в период с 1917 по 1925 годы вне контекста Гражданской войны говорить полноценно невозможно.

Заполняя очередную историческую лауну, обратимся к судьбе Филиппа Козьмича Миронова. Он — один из красных героев Гражданской войны, дважды награждённый орденом Красного Знамени, легендарный командарм Второй Конной армии — в своих посланиях В. Ленину, Л. Троцкому, М. Калинин, в различные инстанции, а также в приказах-воззваниях характеризует политику советской власти в унисон с «неудачником», «малоумком» Алексеем Ганиным.

Герои же книги «Есенин» существуют в искусственной реальности, созданной Прилепиным, где нет и в принципе не может быть места правде Миронова. Вот несколько фрагментов из его приказа-воззвания от 22 августа 1919 года и письма Ленину от 31 июля этого же года:

«Коммунисты вызвали своими злодеяниями на Дону поголовное восстание и гонят теперь русский народ на поправление своей злой ошибки. Кровь, проливаемая теперь на Южном фронте, — это кровь напрасная и лишняя, и проливается она под дикий сатанинский хохот новых вандалов, воскресивших своим злодейством времена средневековья и инквизиции.

Например: в станице Качалинской 2-го Донского округа коммунисты, пытая перебежавшего с кадетской стороны 22-летнего казака, ставили его босыми ногами на раскалённую сковороду, причём они ещё и били по оголённым ногам палками.

В станице Боковской из числа 62 человек невинно расстрелянных казаков есть расстрелянный за то, что не дал спичек комиссару Горохову.

В станице Морозовской ревком зарезал 67 человек. Эти злодеи приводили людей в сарай и здесь, пьяные, изощрались над людьми в искусстве ударов шашкою и кинжалом. <...>

В хуторе Сетраковском Мигулинской станицы в силу приказа по экспедиционному корпусу об истреблении казачества во время митинга убито безоружных 400 человек.

В силу приказа о красном терроре на Дону расстреляны десятки тысяч безоружных людей.

Беззаконным реквизициям и конфискациям счёт нужно вести сотнями тысяч. Население стонало от насилий и надругательств.

Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями.

Дон онемел от ужаса»;

«Уничтожение казачества стало неопровержимым фактом, как только Дон стал советским»; «Вся деятельность коммунистической партии, возглавляемой Вами, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще...»; «Социальная жизнь русского народа, к которому принадлежит и казачество, должна быть построена в соответствии с его историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени <...>. Почти двухгодичный опыт народных страданий должен бы убедить коммунистов, что отрицание личности человека — есть безумие» (Цитируется по: Лосев Е. Миронов. — М.: Молодая гвардия, 1991, с. 348-349, 339, 341).

Живая историческая реальность из «текстов» Миронова перечёркивает псевдореальность, созданную Прилепиным по модернизированным и немодернизированным советским рецептам. К тому же, Миронов ещё в 1919 году называл Троцкого главным виновником политики уничтожения казачества и русского народа вообще. Тот в свою очередь издаёт приказ РВС Республики, который заканчивается «человеколюбиво»: «Каждый честный гражданин, которому Миронов попадётся на пути, обязан пристрелить его, как бешеную собаку.

Смерть предателю!» (там же, с.354).

Прервём сюжет о Миронове на самом интересном месте. Продолжим его, когда Прилепин выпустит книгу о Шолохове. Сейчас лишь напомним: Миронов был убит в Бутырках во время прогулки часовым с караульной вышки в апреле 1921 года. Мы, Захар Николаевич, помним: к Бутыркам, как и к ЧК, Троцкий не имел никакого отношения... «Но — невольно вспоминаются строки Есенина о Троцком из “Железного Мирграда” — видите ли?.. Видите ли?..».

Прилепин (вернёмся к давно приведённой цитате) прав только в одном: Троцкий — не прототип Чекистова. Мы утверждали это ещё тридцать лет назад в статье «Я хочу быть жёлтым парусом в ту страну, куда мы плывём...» (Кубань, 1990, №10, с.90-94). Об иной, чем у Прилепина, Куняевых и других, трактовке образа Чекистова речь пойдёт в следующей статье.

И наконец: прилепинскую идею «срисовать Чекистова с любого следователя» можно было бы воспринимать как неудачную шутку, если бы подобный зеркально-фотографический, буквалистский подход в понимании и толковании художественных образов Есенина десятки раз не транслировался в книге.

Захар Прилепин не учитывает типологической природы художественного об-

раза. Правда, это беда многих. Наталья Волохова, например, с аналогичных позиций отреагировала на цикл блоковских стихотворений, посвящённых ей. На слова женщины о слишком вольной интерпретации их отношений Блок ответил, что на всё смотрит под «соусом вечности». Именно этот вечный план не берётся во внимание Захаром Прилепиным.

Суть проблемы, думаем, точно выразила Лидия Чуковская во втором томе «Записок об Анне Ахматовой»: «Я думаю, Маяковский любил всех трёх — и ещё тридцать трёх впридачу, и мне непонятно стремление исследователей и не исследователей во что бы то ни стало установить какую-то единственную любовь их героя — будь то Тургенев <...>, или Байрон и Пушкин <...> К чему это? Проблема нерешаемая, да и бесплодная» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой (1938-1941) [Электронный ресурс] //Время, 2007. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/320818-lidiya-chukovskaya-zapiski-ob-anne-ahmatovoy-1938-1941.html>).

Подведём некоторые итоги. По подсчётам В. Николаева слова «Россия», «российский» употребляются в творчестве Есенина чаще, чем у А. Пушкина, Н. Некрасова, А. Кольцова, А. Блока. Однако, как мы видели, тема России не стала главной в книге Захара Прилепина. Она не рассматривается в необходимом, полноценно-объёмном литературно-историческом контексте. Иначе, думаем, произойти не могло у жизнеописателя, не способного подняться над своими политическими пристрастиями, стремящегося достичь громкого успеха, используя во многом рецепты постсоветской «жёлтой» журналистики.

Прилепин не смог сказать об очевидном: конфликт Есенина с советской властью был неизбежен и неразрешим как конфликт русского поэта с антирусской властью. Для неё убийство Есенина было решением этого конфликта.